

За помощь в издании книги автор благодарит:

Ксению Август,
Жанну Баскакову,
Дмитрия Воронина,
Женевьеву Гжибовскую,
Надежду Делаланд,
Андрея Ивонина,
Алексея Кузнецова,
Леонида Негматова,
Наталью Овсянникову,
Викторию Панину,
Михаила Пимонова,
Марину Симонову,
Елену Ткачевскую,
Елену Трусову-Березину,
edasat,
furslniki,
olay1972.

Отдельное огромное спасибо:

Борису Бартфельду,
Борису Фабриканту.

**Самые искренние слова признательности
моей семье:**

сыну, Владимиру Минченко,
мужу, Вячеславу Минченко,
и маме, Севрюгиной Светлане Владимировне.

Спасибо, что поддерживаете меня во всех моих начинаниях!

Поражает бесстрашие, с которым Елена Севрюгина бросается в стихию языка, борется с его тайными глубинами, коварными волнами, непредсказуемыми подводными течениями. В итоге этой самозабвенной борьбы, участником которой становится и читатель, возникают стихи, в которых сближаются далёкие друг от друга понятия, всплывают картины из «когда-то непрожитой жизни», где «заснёшь неизвестным героем пробудишься данте», где «по ночам приходит стиховолк и открывает внутреннее зренье», в которых упорно отыскиваются и вечно ускользают ответы о самых насущных вопросах бытия, в которых слышно биение страждущей и взыскующей души. Это стихи глубокого многомерного звучания, устремлённые к сердцевине вещей, к «раздетому свету», предельной откровенности, они сродни волхованию, визионерской медитации, ворожбе. И в то же время они внятны, открыты читателю, щедры на счастливые находки, радуют и слепят «перламутровым блеском до краёв расплескавшейся речи».

Геннадий Калашников, поэт, прозаик

Елена Севрюгина находится на развилке между созданием собственного художественного мира и рассказом о собственных эмоциях. «а хочется строки / есенинской строки / цветаевской тоски / ахматовского плача»: в каком-то смысле эта поэзия ставит перед нами проблему кризиса перепроизводства, где каждая традиция диктует своё, и той растерянности, в которой приходится пребывать современному автору, — как-то критик Анна Кузнецова написала про «образ современного юноши, витальная сила которого тратится прежде всего на освобождение от культурной информации, а уж что останется — на собственное высказывание». Я верю в талант Елены Севрюгиной, в её тягу к метареализму, и желаю ей найти своё достойное место среди давления традиций. Прорастание «из корня языка» надмирных, горловых голосов — которые в книге присутствуют во множестве — убеждает в правильном направлении стилистических поисков. Как в одном из лучших — и безусловно подлинных стихотворений книги: «текучая река / прорастает в корне языка / звук не осязаемый пока / и горит надмирный горловой / голос твой».

Борис Кутенков, поэт, культуртрегер

Восхитительно, как автору удаётся сохранить гармоническое равновесие, абсолютную ясность мысли и доверительную человечность и силу высказывания, при том, что поэтическое слово находится в непрерывном порыве выйти за пределы постижимого и пройти путь «от неясственного смысла до вселенной звуковой». (В стихотворении, из которого взята цитата, финал таков: «на забытом арамейском / на неведомом эльфийском / Расскажи что миром правит / безупречность простоты».)

Уже в самом названии присутствует нечто непостижимое — «Раздетый свет». Ни раздетого, ни разодетого света не бывает. Свет — это свет. Но попытка проникнуть за само явление, которое и так чудо из чудес, налицо. В текстах столько приставок «над», «под», «за», выводящих смыслы за установленные разумом рамки, столько «памяти подводной», «слепого заоконья» и т.д., что — как следствие — неизбежно возникает «хрупкий мир подресничный / надбровный...»

Эта книга — исследование возможности «запределя» (неологизм из словаря автора) путём стихотворчества.

И рядом такое будничное и пронзительное слово: «спи любовь не вспоминай о прошлом / господи уснёшь ты или нет». Или: «приручай привычное земное / тянущее к бренному жильё / но опять оно идёт за мною / горькое глубинное моё».

Удивительный опыт и замечательный результат.

Владимир Гандельсман, поэт, переводчик

Серия «Вино»

РАЗДЕТЫЙ СВЕТ

Елена Севрюгина

Синяя гора · 2023 · Москва

УДК 82-14
ББК 84(2=411.2)6
С28

Составитель
Андрей Фамицкий

Севрюгина Е. В.
С28 Раздетый свет / Елена Севрюгина. — М. : Синяя гора, 2023. — 68 с.
ISBN 978-5-600-03791-5

УДК 82-14
ББК 84(2=411.2)6

Предисловие

Дорогой Читатель, если ты открыл эту книгу, то можешь быть уверен, что через несколько минут тебя подхватит и понесёт по течению поэзии дивной, непредсказуемой, завораживающей. Тебе откроется вселенная меняющихся образов, перетекающих друг в друга отражений снов и яви, мечты и свершений. Что из них что, сказать уже будет сложно, так всё преломлено друг в друге, сплетено, преображено...

это кто шагает вслед за мной
в призрачной накидке ледяной
сны выводит за руку и стелет
памяти бессвязные круги
режет воздух нажимает delete
и внутри включается «беги!»
и ложусь я будто бы живой
в трёхметровый снег под головой
в облако пугающего дыма
в чёрную густую тишину
а внутри колотит нестерпимо
кто-то у кого давно в плену

Или:

засыпают низы а потом забывают верхи
из глухого огня вырастает треножник ольхи
распадается круг возникает забвенная зона
тьень ложится на грудь горизонта
воспалённо дыша заболевшей удушьем весной
вырастаем из тел кочевых из обугленных снов
из ветрами потресканной кожи

Поэзия Елены Севрюгиной самобытна, её не спутаешь с другими голосами, хотя она и полнится богатством литературных аллюзий, возникающих

в ней неожиданно по ходу течения её собственной художественной мысли («заснёшь неизвестным героем пробудишься данте / и волны подпольного моря взорвут диафрагму»). В ней нет нарочитости, привязанности к заранее разработанному замыслу. Её образы рождаются по ходу движения поэтической волны, прямо на наших глазах, просто и естественно.

под тёмный фагот засыпает
кузнечик ростка
и головы рододендронов
торопятся вниз
медовое масло
каштан разноцветный приснишь
земная тоска
уходит уходит уйдёт
обесцвеченный день
раскроется тайными смыслами
дрождю колен
мерцанием ритма
в аорте большой тишины
ознобом сквозным вдоль спины

При этом мир её сложен, многомерен, богат внутренними связями, лишёнными однозначности и дидактичности. Он в чём-то трагичен — не по отдельному событию, а по природе вещей:

в первый раз родилась и в последний умру
чтобы ртутью дрожать на холодном ветру
вызревать в темноте галактических дыр
возвращаться непойманным всплеском воды
вы — чьё имя за гранью последнего дня —
не шепчите меня не звоните в меня
не кричите меня миллионом имён
пусть останется слова не собранный мёд <...>

В чём-то оптимистичен:

у истоков земли холоднее вода
вам не видно но я возвратилась сюда
голубая смола порошок у глаз
в первый раз умерла в сотый раз родилась

Что движет этим многообразием грёз, внутренних раздумий, сомнений и восхождений? Энергетика автора. Она ощущается мгновенно, с первых строк, она и есть та сила, что преобразовывает и сплавляет внешнее с внутренним, явь с её отблесками в сознании и душе. Этого невозможно достичь никаким приёмом просто потому, что подобные вещи нельзя формализовать. Они существуют в единичном формате и уникальны, как радужная оболочка глаза. Подражать можно сколько угодно и экспериментировать со словом тоже, но в результате всегда получается не лицо, а маска. Писательская энергетика не передаётся по наследству даже в писательском мире. Коли есть, тогда —

просыпается музыка где-то внутри под ребром
наполняется мир горловым песнопением древним

Вера Зубарева, поэт, прозаик, литературовед

Тёмные воды

* * *

нас извлекут из пустоты,
не сразу всех — поочерёдно,
и вспыхнут грустные цветы
на коже памяти подводной,
и вспомнит вечная вода,
вращая времени спирали,
о том, чем были мы тогда,
когда ещё не умирали

когда в бесплотной высоте
мы были лепетом и летом
и, не имея глаз и тел,
срастались голосом и светом,
когда, оставшись за дверьми
не нами созданного рая,
внезапно сделались людьми,
себе судьбу не выбирая

а было всё — и грех, и град,
и грот, и горы, и ограда,
а было всё — и смех, и сад,
и солнце с привкусом распада...
саднит вчерашняя зола,
но грезит смыслами земными
небес чернильная смола,
ища потерянное имя...

* * *

это кто шагает вслед за мной
в призрачной накидке ледяной
сны выводит за руку и стелет
памяти бессвязные круги
режет воздух нажимает delete
и внутри включается «беги!»

и ложусь я будто бы живой
в трёхметровый снег под головой
в облако пугающего дыма
в чёрную густую тишину
а внутри колотит нестерпимо
кто-то у кого давно в плену

вот опять я с ним наедине
я ли в нём а может он во мне
этот свет внезапный и раздетый
громко выплывающий из тьмы
как в степях затерянное гетто
как глоток обугленной зимы

это ли не мой треклятый рай
выбирай другое выбирай
приручай привычное земное
тянущее к бренному жильё
но опять оно идёт за мною
горькое глубинное моё

* * *

Находясь меж небом и землёй,
Дышим мы привычно, неприметно.
Но испуг, обещанный водой,
О себе напомнит непременно.

Борис Фабрикант

когда к тебе, уставшей и седой,
придёт испуг, обещанный водой,
ты будешь знать, что всё уже случилось,
что берега сошлись в одно звено,
безмолвное, беспамятное, но
вчерашний город стал неизлечимым

там, где стоял вчерашний человек,
безмолвно прозревая тёмный снег,
на беспокойном облаке идущий —
чужих ветров беспамятные кущи
и голоса, плывущие к весне

и новый век прожить уже легко,
но разве суть зависит от веков?
когда, твоим дыханьем оживлённый,
знакомый город стряхивает сон
стеклобетонных человеческих сот
и серый заменяет на зелёный

а ты в нём протупаешь до конца —
загадкой, мифом, отблеском свинца,
медовым саженцем, волшебной чечевицей,
и не дай бог лишиться очевидца —
хранителя неявного лица

на тёплом дне останутся следы,
иди вперёд, но избегай воды,
хоть никому не избежать воды,
ни одному не избежать воды
ни света...
ни испуга...
ни беды...

* * *

день или ночь
или просто случайный фантом
прошлое прочь
голоса покрываются льдом
холодом колкой коростой
свинцовой водой
кто там стоит
над моей око-явной бедой?
брат или враг
с неприкаянной птицей в груди?
кто бы ты ни был —
не думай не стой уходи
где бы ты ни был —
с собой навсегда заberi
это несбытое тайное
с чёрным внутри
мне не стерпеть —
переломана в сердце весна
мне не успеть —
перепаена с миром война
буду стоять недвижима
с оболом в руке
видишь ночная дружина
плывёт по реке
очи темны
безучастны как смерть голоса
сипные ветры
гуляют в седых волосах
и никого не спасут
ни сомненья ни стыд —
это не ветер
проснувшись колышет листы
это не чья-то зима
заметает края
это сума и с ума —
но не ты и не я

и никого ничего
никогда и нигде
сон и осколки
вчерашних небес по воде
только одним
разгонять эту вязкую мреть —
не обернуться на голос
и вниз не смотреть

* * *

засыпают низы а потом забывают верхи
из глухого огня вырастает треножник ольхи
распадается круг возникает забвенная зона
тьнь ложится на грудь горизонта
воспалённо дыша заболевшей удушьем весной
вырастаем из тел кочевых из обугленных снов
из ветрами потресканной кожи
на себя непохожи
на иных непохожи но кажется чем-то жива
корневая основа сверставшая годы в слова
опустившая веки веков в золотые порталы
ворожкой краснотала
попынкой латынью сильны
голоса прирастают смешеньем вины и войны
серебрится сократовым смехом
безымянное эхо
в этой точке любой из ушедших
как прежде живой
и земная трава навсегда остаётся травой
поимённо всплывают секунды события лица
тишина замирая в языческом небе троится
как десятки столетий назад
бесконечное время назад
как тогда
и уходит вода
но приходит другая вода
навсегда

Элегия моря

сальса света музыка немая
лёгким всплеском лорка ли гонсалес
море говорит я понимаю
белого безмолвия касаясь

море море как тебе поётся
в этот час расколотого звука
тишина вздохнёт и разобьётся
тетивой натянутого лука

мой вопрос оставив без ответа
заступая с севера и юга
берега бушуют тот и этот
громко надвигаясь друг на друга

или это чудится другое
или это дышится иначе
ветер воеет голосом изгоя
правду за возвышенностью пряча

море море кто тебя усеял
в пену стрелы падают со свистом
призовут сирены одиссея
из тяжёлых сумерек когтистых

в суете раздарены пенаты
в темноте потеряны дороги
не плывут в колхиду аргонавты
стонут волны гневаются боги

* * *

это то чем была я
в когда-то непрожитой жизни
профитроли мартини
усталые томные мачо
лепестки своих тел
на любовном раскрывшие ложе
в необъятной гостиной
на вилле у синего моря
и сама я развязна распутна
изнежена лаской
усыпляющей роскошью спа
дорогих лимузинов
и недобрый магическим блеском
фамильных брильянтов

*

это то чем я стала
травой и осколками эха
золотящейся нитью
земного печального солнца
что уходит корнями в закат
нестерпимо бордовый
чьей-то робкой мечтой
ожиданием детской улыбкой
материнской заботой
рисунком на мокром асфальте
незаметной грозой
вдалеке нарастающим гулом
зёрна града несущим
в холодном бесформенном теле
он однажды пробьётся наружу
звучащей вселенной
и меня обнаружат...

*

...а значит что всё не напрасно
не случайно неявная жизнь
зародилась у кромки
заповедного зыбкого
тихого вязкого злого
чтобы после —
рассвет
и круги
и чуть слышимый шорох...

* * *

попробуй мне поверить
я чувствами не лгу
мы солнечные звери
на лунном берегу
в тиши где осторожно
качается душа
мы дрожь и подорожник
и шорох камыша

идём лаская воздух
прозрачны и легки
рассеивая космос
вдоль голоса реки
несведущему глазу
невидимы почти
как скрытая проказа
и ветер на пути

смотри как наши стаи
горят на высоте
мы светом прорастаем
у века на хребте
и в этой inferнальной
стране где тлень и сон
лишь мы одни реальны
неявностью времён

* * *

где-то там на совсем другой стороне реки
в глубине холодной чужой планеты
ходят всеми забытые лодки и моряки
управляют ветрами бросают на дно монеты
по ночам зажигают жертвенные костры
а под утро смуглые женщины и мужчины
прогоняют от скал косяки кистепёрых рыб
странно пахнущих мертвечиной
и тогда вода начинает гореть гореть
бледно-жёлтым зелёным оранжевым тёмно-синим
говорят что в час когда хочется умереть
это лучшее из усилий
если миг настал не растаять а перейти
в тёмно-зыбкий свет водяной и мгlistый
где-то там на совсем другой стороне пути
я смогу продлиться
и держать на крючке долгожданный ночной улов
а пока за чертой самой призрачной из якутий
неболи голова причитает болиголов
открывается глаз анютин
шелестит трава рождённая из огня
стебли-пальцы вонзая в тело
где-то там на совсем другой стороне меня
всё случится как я хотела

* * *

пляшет солнце пляшет ветер
бесконечны отраженья
зыбких радуг звонких истин
невесомое родство
тонкой нитью марионетки
продолжается движенье
от неясственного смысла
до вселенной звуковой

мне приснилось что у горя
привкус терпко-голубиный
что больнее там где имя
упадёт на дно души
мне приснилось что из моря
в руки прыгают дельфины
и словами неземными
заклинают напиши

эти ласковые фрески
счастье призрачно но близко
если ты умеешь видеть
света хрупкие холсты
на забытом арамейском
на неведомом эльфийском
расскажи что миром правит
безупречность простоты

* * *

ветер не ветер
а льдистое тёмное пламя
время шатается
словно бежит по мосту
выйдешь из дома
там сад с голубыми стволами
тайных берёз
что истоками к небу растут
это несбывшийся сон
переходит границы
чтобы себе пересказывать
прежние сны
чёрной рекой
зарекается белая птица
белым огнём
осыпается крик тишины

к облику облик
опять не увидишь лица и
помнишь себя не себя
там где дом и не дом
и остаёшься нигде
потихоньку мерца
светом фантомным
тебя окружающим в нём
даже не след
а к утру обнажившийся вечер
«хаос родимый»
что хаосом быть перестал
даже не смерть
а продление вещного вещим
странная живопись
жизнь за границей холста

нынче не мира
а лунного рима ровесник
ты не рискуешь
играя в смертельный гамбит
и никуда не бежишь
оставаясь на месте
став на орбите планеты
планетой орбит
их чернотой оглушённый
беспамятный напрочь
будь бессловесным
скрывайся таи и молчи
выйди из дома
там космос и Фёдор Иваныч
к звёздам прильнув
дожидаются часа в ночи

Волчок

баюшки баю ложись на бочок
мир до утра в ожидании замер
ночью по городу ходит волчок
смотрит в людей золотыми глазами
в мире заблудших в стране дураков
ищет таких же бессонных волчков

ходит ощерив клыкастую пасть —
если не хочешь бесследно пропасть
просто иди вдоль обочины звёздной
к горлу безмолвия в лес в тишину
и оставайся до полночи грозной
спать на краю и роптать на луну

нужен волнения резкий скачок
чтобы внутри оказался волчок
с вечной тревогой в мохнатой груди
ждущий чужого призыва «приди
и утащи в заповедье своё
в мир где ни света ни сна ни краёв...»

время придёт и за кромкой зари
пасмурный день дождёт фонари
выключит фары продрогших газелей
чтобы из окон на них не глазели
лишь заплутавшие сны у реки
будут светиться как волчьи зрачки

* * *

спи любовь, уже не хватит силы
твой огонь поддерживать огнём
отчего темно невыносимо
за окном декабрьским этим днём

не смеюсь не плачу тихо вою
на луну на снег на божий свет
а недалеко проходят двое
громко нарушающих запрет

вижу как из дома втихомолку
выбежал без шубы сорванец
в чьих-то окнах наряжают ёлку
ждут гостей готовят холодец

а за этой праздничной шумихой
наблюдает ангел в два крыла
так тепло и благостно и тихо
словно я вчера не умерла

словно надо думать о хорошем
сквозь привычный новогодний бред
спи любовь не вспоминай о прошлом
господи уснёшь ты или нет

* * *

а по ночам приходит стиховолк
и открывает внутреннее зреньё
ворует душу и съедает тело
потом воркует голубем над ухом
ожившие подземные ключи
фантомами выходят на поверхность
и сердце мириадами агоний
взрывается и вздрагивает пульс
прерывистым дыханием звериным
и вспарывает нёбо диафрагму
осколком древней памяти людской
вот гул одной из дремлющих галактик
пронзительно срывается на крик
в момент её слепого пробужденья
а следом пробуждаются другие
деяниями древних полководцев
камланием языческих жрецов
вскипают волны тигра и евфрата
в магическом зиянье междуречья
заводится вселенский механизм
взлетает ввысь великий эсперанто
призывным гулом башни вавилонской
и я опять безмолвно погружаюсь
в святой источник марсианских вод...

но вот упав в очередную вечность
где я переживаю неизменно
двенадцать красных лун реинкарнаций
двенадцать эр клинических смертей
я снова жду минуты расставаний
когда из тёмных вод заговорённых
меня как рыбу выкинет на сушу
мой верный волк
мой вещий беовульф

* * *

так вспоминают потерявшие память
одним махом
и стоят не зная что с этим делать
плакать или смеяться
грустить или радоваться
или же просто закрыть глаза
и ждать когда наваждение исчезнет
так бабушка
рассказывает своим внукам сказку
которую они уже слышали
в другой жизни в другом мире
под другими именами
может тильтиль и митиль
почему люди
рождаются в одном месте
а живут в другом
напрочь забывая кем они были
что любили о чём мечтали
наверное это наказание
за страх быть собой
за стремление поменять судьбу
статус внешность работу
место жительства
это боязнь одиночества
заставляет нас быть
похожими на других
но тсссс... вы слышите
знакомые звуки
складываются в буквы
буквы в слова
слова во фразы
фразы в жизнь
мою жизнь
кто-то успел её запомнить
и сохранить
значит я смогу вернуться обратно
вернуться и стать собой

* * *

забыв себя навек
уйду на век назад
о будущем спрошу
волхвов (felicita им)
у Пастернака свет
внезапный как гроза
у Мандельштама шум
по-птичьему нечитаем

и так близка их медь
и дальше не смотреть
и вечностью звенеть
и оставаться чистым
а нам горе гореть
а нас уже на треть
кто смог не умереть
и выстоять на выстрел

на острове весны
на вспоротом снегу
наш век идёт на слом
как старый mitsubishi
отказником больным
игла лежит в стогу
и соты стройных слов
рассыпались на бисер

горячие деньки
ловушки да силки
гремят грузовики
нестройно и незряче
а хочется строки
есенинской строки
цветаевской тоски
ахматовского плача

* * *

говори говори да показывай
шебутной поэтический птах
что живёт с мандельштамом за пазухой
пастернака несёт на устах
пишет быль об отчаянном мальчике
нереален разнуздан бедов
и летит в гумилёвском трамвайчике
вдоль глухих патриарших прудов

говори и пускай не поверится
не доверится слову толпа
подрастёт худосочное деревце
и корнями пойдёт по стопам
неприкаянных меченых лапотных
благозвонных безумных больных
что текут от москвы до елабуги
по карнизам дорог ледяных

так живите уже если начали
и вершите большие дела
сто томов написавшие начерно
прогоревшие в снах добела
и пускай ваши песни отважные
будят голод и город и век
нескончаемы тропы бумажные
и звенит под полозьями снег

Последняя строка

последняя строка была горька
звенела стрекозиными ростками
она взошла во мне изглубока
из голубых колодцев мураками

она плыла по девственной реке
и как дитя восторженно гулила
а я её держала на руке
а я её звала на языке
который и сама давно забыла

и что-то было в мире в этот миг
особенное высшее помимо
привычных фраз и света умных книг
венков вьюнков и ликов повилик
земной души простая пантомима

струна к струне потом к волне волна
так для вещей отъщутся названья
всего одна строка и я одна
и бесконечно длится тишина
и бесконечно длится тишина
чтоб не мешать моменту узнаванья

* * *

лёгкая тростинка на ветру,
может быть, сегодня я умру —
просто опознай меня, похожий,
в кровавом брожении под кожей,
в янтаре, врачующем кору...

кто я нынче? вещая трава,
вечная мольба или молва,
душной страсти привкус комариный,
марой ли, мареной ли, Мариной
я была — останутся слова...

ты на них попристальной гляди,
чтобы ожила в твоей груди
ласточка с ахматовским прицелом —
станешь просветлённым, но не целым,
обернувшись в камские дожди

нынче холодна твоя кровать,
станем вместе море моревать...
вяжет рот, в пути сбивает с толку
терпкий вкус рябиновой настойки —
это значит, смерти не бывать...

это значит, ветрено-хмельна,
забродила времени вина,
и в чаду застолий будет литься
речь моя, полынь и медуница,
красная больная бузина...

* * *

словно под сердцем проснулась трава
словно хрустальную чашу разбили
это поэзия это слова
так ли уж важно твои ли мои ли

знать не положено я или ты
миг или вечность провал или слава
чтобы забрать у чужой темноты
то что внутри неё светится слабо

нежность цикуты отравленный мёд
тайне ещё не придумали имя
то что случится никто не поймёт
те кто почувствуют станут иными

кроличьи норы стрекозья слюда
сладкий сироп и цианистый калий
гипсовый лёд золотая вода
всё что когда-то мы в жизни искали

следуя робкими тропами строк
не опасайся на них заблудиться
звук не обманет когда он пророк
мир не исчезнет когда он родится

Имярек

бесконечны паузы небес
человечек умер и воскрес
век челом печали без числа
праха порох память плеск весла
то-то человечка будут грызть
страхи боль раскаянье корысть
малые с горошину но всё ж
имярек иначе в мир не вхож
имя реки имя на реке
мелкий мир дрожит на поплавке
мается держи меня держи
не сорвался в омут значит жив
что тебе до магии имён
что тебе до мании знамён
что тебе до тяжести креста
если ты покой и пустота
у тебя ведь нет ни рук ни ног
у тебя ведь нет ни да ни но
нету у тебя ни до ни да
ты сквозняк воздушная среда
ты река
текущая строка
ты строка
текучая река
прорастает в корне языка
звук не осязаемый пока
и горит надмирный горловой
голос твой

* * *

я раньше часто пела эту песню
теперь слова не вспомнятся конечно
мой инструмент болгарская кремона
лет пять как приказала долго жить
а времена становятся железней
когда из сердца улетает птица
когда вода похожая на пальцы
безбашенного злого мальчугана
тебя несёт куда-то за пределы
наполненного музыкой пространства
и начинаешь что-то тыры-пыры
и говоришь немного заикаясь
как будто нет невидимой опоры
в которой ты ответы находил...

но стоит только сыну улыбнуться
и ветру потрепаться с занавеской
и даже просто доброму случиться
на улицах недобрых и пустых —
во мне опять звенит моя кремона
которая совсем не исчезала
и песня о которой позабыла
рождается в заветной немоте

Песня

триптих

*

голова усталой песни
опустилась покатилась
по дороге вдоль обрыва
и рассыпалась на звуки
на бемоли и диезы
на мажоры и миноры
до-ре-мины си-ля-доты
трум-пум-пушки
трам-там-танки

*

нам не надо этой песни
огибающей долины
душной лентой рек багровых
чёрной дымкой громкой скорби
лучше всхлип речного ила
где беззубые моллюски
в немоте произрастая
обретают хрупким телом
океана мерный голос

*

у всего на свете голос
будь то сокол или нерпа
кабарга или акула
или заросли осоки
у всего на свете имя
что трепещет оберегом
зыбкой тайнописью строчек
не написанных в тетради
в сердце музыки пропетых

Людимы

люди люди где вы нынче есть
людям заворачивают взвесь
неживого с примесью живого
отсырев под пальцами дождей
люди убегают от людей
на исходе дня сторожевого
в ульях улиц лужи-волдыри
разрывают город изнутри
мокрым следом тянутся до станций
снова замыкается кольцо
пятится знакомое лицо
пожелав неузнанным остаться
у пруда знакомая скамья
там где я которая не я
каждый раз глазает на прохожих
в мире вещи вечен ли девайс
люди люди я смотрю на вас
в тонкие просветы толстой кожи
отчего идущим вдоль реки
запретили скрипки и смычки
отчего улиточные лица
тянутся вдоль летнего ларька
думают побегу тростника
адовой водой опохмелиться
и сто лет холодная война
а вокруг бушует тишина
та которой мы когда-то были
застывает времени песок
зарится на золото ясон
поставляет слитки в аргмобиле
время нас торопится прочесть
люди люди где вы нынче есть

* * *

всё станет явью через час
всё станет болью через снег
живёт внутри не зная нас
забытый нами человек
и ловит ртом строку реки
вдоль опустевшей тишины
как продолжение руки
и завершение войны

ему убежище мало
он как таможенный транзит
и между ним и нашей мглой
непонимание сквозит
ему бы дельный дать совет
что можно выбраться на свет
но человека просто нет
он просто homo точка net

но там где малый свет горит
он с нами тихо говорит
и в этот час в себя взглянув
мы молча молимся окну
и прорастает пустота
молитвой в град ершалаим
прости что нами он не стал
прости что мы не стали им...

* * *

у меня нева у тебя днепр
только не унывай между двух неб
только не остывай между чужих солнц
пойманные слова мы унесём в сон

у меня да у тебя нет
словно течёт вода в теле земных недр
словно хрустит слюда сломанных позвонков
это твоя кровь это моя кровь

это болит ад это зовёт рай
тело моё играй слово моё играй
это внутри беды это среди войны
громкие твои льды горькие мои сны

солнцами над тобой тщусь разогнать мрак
это всегда боль это всегда так
но снова идём на вы друг друга зовём с утра
я с берегов невы ты с берегов днепра

* * *

на приводе на привязи у припяти
стоим и ждём до срока нас не выпейте
нам так милы ромашки маки лютики
но мы не знаем люди-мы / не-люди-мы

небесные морские земноводные
но кажется счастливые свободные
идём себе от пристани до пристани
а припятъ в нас всё явственней и пристальной

и думаем не кончено не кончено
пока звенят земные колокольчики
и веруем отмолено отсрочено
не ведая что привязь укорочена

наивные ни бекаем ни мекаем
и мекку ойкуменную кумекаем
но мекка где и мена где и мера где
когда всю жизнь на привязи на приводе

и вот уже нигде...

Чёрные реки

Чайка в жёлтом овале

внутри жёлтого овала
чайка летит над мостом сквозь кольцо
ты не знаешь какое именно
садовое или третье транспортное
кольцо нибелунгов
или кольцо
сбежавшей из-под венца невесты
которая услышала своё сердце
а не слова заботливого родителя
так начинается утро
когда первые солнечные лучи
пытаются пощекотать тебя
сквозь зашторенное окно
так случается новая жизнь
ещё не осознавшая
что она случилась
так делается глубокий вдох
а потом выдох
вдох и выдох
выдох и вдох
и лёгкие наполняются воздухом
а слух и зрение
предельно обостряются
и тогда ты внезапно осознаёшь
нет ничего кроме мелькающих на горизонте
крыльев далёкой чайки
нет ни пространства ни времени
ни разлуки ни расстояния
есть только ты
ставший мыслью и словом
светом и морем
человеком и птицей
собою и всеми

* * *

металлические лапы деревянных динозавров
мистическая многоножка
пропитанная запахом зноя и пота
глубокая безмятежность
капсула твоего сознания
за пределами которой остаётся всё
что не могло сделать тебя счастливым
супрематизм бытия селекция памяти
синестезия твоих ощущений
таким я тебя буду помнить много лет спустя
таким ты останешься даже тогда
когда состарятся девушки
топчущие твою деревянную грудь
пристально смотрящие по сторонам
в надежде что их покатые плечи крутые бёдра
и тонкие ниточки купальников
едва прикрывающие ягодицы
не останутся незамеченными проходящими мимо
мускулистыми спасателями на воде
и вот уже стучит ударяется о кромку жизни
медленно-размеренное
su se si
и стекает влагой по лицу по рукам
по фалангам пальцев
su существо твоего параллельного мира
se отсутствующий сегмент гармонии
si сизый дым угасающего солнца
далёкого как твои
самые сокровенные воспоминания
но ты знаешь что оно в тебе
никуда не девалось
поэтому времени достаточно
чтобы просто смотреть

Ohana

в фитнес-клубе ohana
идеальную спортивную фигуру
встретишь довольно редко
это почти нереальный случай
нет подтянутых торсов
нет приветливых лиц
всё буднично и прозаично
ты идёшь на ресепшен
надеваешь бахилы маску
снимаешь верхнюю одежду
а потом вперёд по заученному маршруту
раздевалка — бассейн — тренажёрный зал —
бассейн — раздевалка
и вот так день за днём
неделя за неделей
месяц за месяцем
год за годом
но при этом твой мир
всегда остаётся прежним
ты всё так же ешь пьёшь
и не можешь влезть в свои старые джинсы
и от этого ещё больше пьёшь и ешь
и ссоришься со своим бойфрендом
и потом неделю лежишь на диване
с любимой книгой в руках
заедая тоску куском хлеба с маслом
или чего доброго сдобной булочкой
с клубничным джемом
но проходит время и ты возвращаешься
чтобы пройти знакомым маршрутом
маска бахилы бассейн
тренажёрный зал и так далее
а когда ты заходишь сюда с улицы
все плакаты
все рекламные фото и видео

ослепляют тебя голливудскими улыбками
бесподобными осанками
безупречными попами
совершенными торсами
накачанными бицепсами
и прочими
элементами мышечной мускулатуры
и в какой-то момент
реальность начинает казаться вымыслом
и наоборот
просто все работники фитнес-клуба
это скромные люди
стыдящиеся своих идеальных тел
боящиеся своих неидеальных душ
ты и сам как будто меняешься
становишься улучшенной версией самого себя
и уже наплевать что тот
кто внушил тебе необходимость
ежедневного посещения клуба
сам не очень верит
что всё закончится красивой сказкой
со счастливым концом
ведь известно каждому
реклама это двигатель
очевидно неизбежного
надо же кому-то верить в мечту
а кому-то зарабатывать на хлеб насущный
поэтому я молчу
я ничего не говорю
только улыбаюсь новым посетителям
которые пришли сюда
чтобы приобрести годовую
клубную карту
на всю семью

* * *

на втором этаже
местного торгового центра
бабушка-корейка
вяжет внуку белые русские варежки
рядышком палки для шведской ходьбы
милота да и только —
коридоры кишат людьми
местными и приезжими
постоянными и случайными
люди поднимаются вверх/опускаются вниз
опускаются вниз/поднимаются вверх
опускаются вверх/поднимаются вниз
вверх/вниз вверх/вниз вверх... вниз...
это пчелиный улей
беспорядочный рой
нескончаемый хаос
но это только так кажется —
если настроить зрение
к миру лежащему в сфере неочевидного
можно увидеть лестницу
ведущую прямо к асгарду
к исполинскому ясеню
к дереву игдрассиль чьи могучие корни
соединяют небо землю и преисподнюю
сохраняют хрупкое равновесие
пока звон спиц в морщинистых пальцах
перекрывает набат самых громких колоколов
гул самых страшных орудий
лязг самых прочных цепей
шум самых нелепых приказов

* * *

от московской просодии к питеру и корее
голоса голоса и неясственный белый шум
если можешь господи сделай меня мудрее
чуть мудрее и чуть добрее тебя прошу
чтобы боли поболе и о святом не всуе
а по секрету ангелу в доме где ни души
если твой обескровленный асгард слегка буксует
доверяй молчанию думай но не пиши
и пускай сохраняются светом в дрожащих пальцах
зыбкими нитями тонкого волокна
мысли твои азиаты неандертальцы
слово твоё золотая твоя страна
что с того что затишье пускай говорят не все ведь
и не каждому хрупкая правда твоя слышна
нынче время молчать будет время пахать и сеять
в нас совмещаются разные времена
и когда соберёшь добро и протянешь споры
от монголии к питеру или наоборот
то откроешь глаза и почувствуешь скоро скоро
тишина прервётся и голос тебе вернёт

* * *

выбегаю в жизнь, почти одетта,
вот уже сквозь веки поплыла
трясогузка солнечного света,
стрекоза сезонного тепла
холод канул в прошлое, непрошен,
вслух теперь читаю по утрам
палимпсесты солнечных горошин,
меланхолизма майского коран
так ли важно, веру обнаружив,
в невод неба падая с моста,
где твой бог — внутри или снаружи —
если всё на свете — красота,
шорохи, шумы, мерцанья, брызги...
видишь, обозначены едва,
наши сны — не сны уже, а смыслы,
счастьем воспалённые слова
побежим, внезапные, иные,
в этот непридуманный приют,
где фонтанов струны водяные
скрипками тончайшими поют
где примета переходит в мета
где под влажный вздох эльфийских крыл
время нас теряет незаметно
в миг, когда весь мир о нас забыл

* * *

до полночи в парке
две лёгкие тени скамья
движение прохлады
по листьям струится
растерянный свист соловья
другого не надо
не надо

так тихо неясно
предутренне зыбко тепло
как будто мы тонем
как если бы счастье
расплавленным воском текло
по тёплым ладоням

лилось и ловилось губами
ах если бы знать
неявственным солнцем стихая
что всё это призрак и признак
и призрачный знак
потери дыханья

тревожно и сладко
и нервно и чуть впопыхах
смакуется вечер
где всё ускользает
но всё остаётся в стихах
надолго навечно

но хочется слушать и слышать
и мир удивить
покуда на свете
есть сад соловьиный
и этот растерянный свист
и мысли вот эти

* * *

припомнится вокзал
играющий на флейте
мальчишка у пруда
фонтаны и мосты
я помню ты сказал
лечитесь не болейте
я помню как тогда
сказал мне это ты

а день смотрел в упор
но мы не замечали
как мчался скоростной
разъяв скрещенье рук
отныне до сих пор
морозными ночами
мне слышится стальной
колёсный перестук

Накануне

сумерки слепого заоконья,
дни меланхолически-пусты,
пасхой, доходящей на балконе,
причастились грешные коты.

в серости скупого интерьера,
в душном растлевающем тепле
оживает сломленная вера
каплями кагора на столе,

сладкой смесью творога с корицей,
ароматом сдобных куличей —
чтобы смыслу заново родиться,
чтобы слово стало горячей.

Мастер Dante

стальная нить исток истомы
в пружину сердца вбитый гвоздь
на глубине второго тома
под корни масло пролилось
и заскрипело затрещало
во всю длину твоей тоски
не извлечённое начало
прогнившим веком из реки

не верь разбавленному свету
когда торопишься сберечь
огонь стремительной ракеты
на высоте упавших плеч
не разбивайся о дробину
в стволе прицеленного зла
не уходи на половину
не отражённого стекла

реторта жизни раскололась
но от тебя остался голос
и всплеск дыханья травяного
и dolce nuovo

* * *

заснёшь неизвестным героем пробудишься данте
и волны подпольного моря взорвут диафрагму
и станешь бесплотным пилотом

как буквы санскрита

кузнечиком ветра мельканием света и тени
и станешь ничем что тебя до сих пор окружало
а всё потому что закат говорил на латыни
а всё потому что рассвет был похожим на мифы
о греческой эос летящей в своей колеснице
а что было между могло ли случайно присниться
но всё гармонично но всё безупречно и строго
заснул человеком — проснулся подобием бога
когда не боишься терять преходящую память
тогда пребывают в гармонии смерть и рожденье

* * *

под тёмный фагот засыпает
кузнечик ростка
и головы рододендронов
торопятся вниз
медовое масло
каштан разноцветный приснись
земная тоска
уходит уходит уйдёт
обесцвеченный день
раскроется тайными смыслами
дрожью колен
мерцанием ритма
в аорте большой тишины
ознобом сквозным вдоль спины
воронка июльского зноя
но падает снег
я сплю или просто
кому-то являюсь во сне
смещение смыслов
сезонов созвездий и вот
усталые люди
безмолвно текут в небосвод
и в облачной дымке
теряют свои имена
и падает солнце
и рыбы всплывают со дна
и время проходит
сквозь толщу земли и огня
и слово рождает меня

* * *

в первый раз родилась и в последний умру
чтобы ртутью дрожать на холодном ветру
вызревать в темноте галактических дыр
возвращаться непойманным всплеском воды

вы — чьё имя за гранью последнего дня —
не шепчите меня не звоните в меня
не кричите меня миллионом имён
пусть останется слова не собранный мёд

станет воском стекать ворожить в пустоту
колокольной тоской камышинкой во рту
терпким ливнем что льётся в гортань соловья
золотой тишины разомкнулись края

проливается света звенящая нить
новым небом дышать нервным нёбом хранить
остролистную завязь степного цветка
многоструйную речь из речного песка

у истоков земли холоднее вода
вам не видно но я возвратилась сюда
голубая смола порошок у глаз
в первый раз умерла в сотый раз родилась

* * *

просыпается музыка
где-то внутри под ребром
наполняется мир
горловым песнопением древним
опадает жара
родниками растущих деревьев
и на голос уставшего солнца
стремится паром
время хочет пролиться
в родную и тёплую мглу
я стою у дороги
и лбом прижимаюсь к стволу
и густой апельсиновый свет
обжигает всё резче
и глядишь сквозь него
и внезапно становишься им
прозревая в телесном
окутанный облаком дым
перламутровый блеск
до краёв расплескавшейся речи
и молчишь говоря
и молчишь ощущая внутри
корневое волнение смыслов
камлание зари
спазматический звон
звуковсплески идущие горлом
до конца не успеваю стать
тишиной тишину
ту которая гром
за которой вернусь и верну
бывший некогда мной
но себя испугавшийся город
где рождается музыка...

Греки

через реку проезжали греки
на реке спросил у грека грек
век ли прорастает в человеке
или человек вырастает в век
кто кому опора корни крона
где причинно-следственная связь
удивлённо каркнула ворона
кое-как на ёлку взгромоздясь

так и шли покуда не устали
греки говоря наперебой
забирая времени детали
оставаясь веком и собой
расцветали яблони и груши
не было ни ругани ни драк
жаль потом спокойствие нарушил
цапнувший за руку грека рак

* * *

чёрные реки тоскуют по греку
да упокойся глядящий во тьму
жизнь — это реквием по человеку
колос и колокол по человеку
и бесконечное слово ему

существование его иллюзорно
но на излёте земного пути
время проходит и копятя зёрна
неутомимые копятя зёрна
чтобы однажды наверх прорасти

век человеческий малость ли милость
душного тела сейсмический смог
снова лицо на лицо наслоилось
стало родным примелькалось приснилось
чтобы вселенский продлить диалог

будет простым многоточием в споре
беглый испуг над неявной рекой
словно хрустальному голосу вторя
хрупкое небо спускается в море
и обретает под небом покой

* * *

за тревожной весной
обнажается соль берегов
запахнись и коней запрягай —
нынче ехать далече
мы нормальные люди —
не верим в куриных богов
ни в оккультные лапки
ни в чёртовы чёрные свечи
и когда на бессонной траве
высыхает роса
и случайные сны
рассыпаются ливнем по окнам
мы бежим от земли от земли
в небеса небеса
где святое получено в дар
а не куплено оптом

мы бежим от земли
забывая про тяжесть границ
и про то что слова
всё быстрее обращаются в мемы
мы похожи на птиц
молчаливых измученных птиц
улетевших за край
неопознанной горной системы
молчаливых измученных птиц
заключённых в февраль
в песнопенье своём
растерявших ведущие ноты
в ледяной тесноте
застывает земная кора
золотая строка
проливается в чашу блокнота

* * *

к этой памяти звонкой
к мерцающей дудочке этой
прикасаться не смей
созерцай и безмолвно смотри
то что видишь внутри
или то у чего ты внутри
дань случайному сну
беспросветному тонкому свету
из которого каждый из нас
но не помнит о том
солнце дремлет в подстрочниках глаз
остаётся атолл
хрупкий мир подресничный
надбровный и нёбно-гортанный
чем когда-то была
или может когда-нибудь стану
только тоже как будто не помню
не знаю о том
я не знаю о том
ибо всё на земле сновиденья
всё неявная жизнь
до рожденья и после рожденья
всё движенье теней
на распахнутом звонком ветру
это признак того
что когда-нибудь я не умру
что когда-нибудь ты не умрёшь
и проснёшься навеки
узнавая себя в каждой мелочи
день ото дня
и когда в немоте
запульсируют чёрные реки
будет дудочка петь
продлевая тебя и меня

Содержание

Предисловие Веры Зубаревой 6

Тёмные воды

«нас извлекут из пустоты...»	11
«это кто шагает вслед за мной...»	12
«когда к тебе, уставшей и седой...»	13
«день или ночь...»	15
«засыпают низы а потом забывают верхи...»	17
Элегия моря	18
«это то чем была я...»	19
«попробуй мне поверить	21
«где-то там на совсем другой стороне реки...»	22
«пляшет солнце пляшет ветер...»	23
«ветер не ветер...»	24
Волчок	26
«спи любовь, уже не хватит силы...»	27
«а по ночам приходит стиховолк...»	28
«так вспоминают потерявшие память...»	29
«забыв себя навек...»	30
«говори говори да показывай...»	31
Последняя строка	32
«лёгкая тростинка на ветру...»	33
«словно под сердцем проснулась трава...»	34
Имярек	35
«я раньше часто пела эту песню...»	36
Песня	37
Людимы	38
«всё станет явью через час...»	39
«у меня нева у тебя днепр...»	40
«на приводе на привязи у припяти...»	41

Чёрные реки

- Чайка в жёлтом овале 45
«металлические лапы деревянных...» 46
Онапа 47
«на втором этаже...» 49
«от московской просодии к питеру и корее...» 50
«выбегаю в жизнь, почти одетта...» 51
«до полночи в парке...» 52
«припомнится вокзал...» 53
Накануне 54
Мастер Dante 55
«заснёшь неизвестным героем пробудишься...» 56
«под тёмный фагот засыпает...» 57
«в первый раз родилась и в последний умру...» 58
«просыпается музыка...» 59
Греки 60
«чёрные реки тоскуют по греку...» 61
«за тревожной весной...» 62
«к этой памяти звонкой...» 63

«Синяя гора» — издательство
бумажных и электронных книг,
основанное поэтами
Андреем Фаицким
и Клементиной Ширшовой
в 2023 году.

К выходу готовятся книги

в серии «Вино»:

Роман Смирнов. **Фрагмент облака**

в серии «Искусство»:

Андрей Фаицкий. **Руины башни из слоновой кости**
Клементина Ширшова. **Страшный человек**

в серии «Спасибо»:

Михаил Видмук. **Какие, к чёрту, волки?!**

Сергей Ивкин. **25**

Константин Матросов. **Мы и камни**

Елена Севрюгина. **О стихах и стихиях**

Феликс Чечик. **Четвертак**

вне серий:

Дмитрий Зиновьев. **Бозон Хиггса**

Вышли книги:

Изольда Баумгертнер, Ральф Ерлинг. **Вдвоём**

Елена Вячеславовна Севрюгина
РАЗДЕТЫЙ СВЕТ

Редакторы: Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова
Корректор: Егор Жерябкин
Дизайн обложки: Екатерина Мурашова

Подписано в печать 29.09.2023.
Формат 135 x 210 мм.
Гарнитура ITC New Baskerville.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 150 экз.

В оформлении обложки
использован фрагмент рукописи
Елены Севрюгиной.

Издательство «Синяя гора»
Тел.: +7 (919) 997-07-22
www.goraizdat.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Буки-Веди»
115093, г. Москва, Партийный
переулок, д. 1, корп. 58
www.bukivedi.com

ISBN 978-5-600-03791-5

9 785600 037915